

Елена КРЮКОВА

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

Елена Николаевна Крюкова родилась в Самаре. Окончила Литературный институт им. А.М.Горького, Московскую государственную консерваторию. Прозаик, поэт, музыкант, искусствовед. Член Союза писателей России, Творческого Союза художников России. Публиковалась в журналах «Нева», «Новый мир», «День и Ночь», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Юность», «Москва». Лауреат премии им. М.Цветаевой (2010), Кубка мира по русской поэзии (2012), X Международного Славянского форума «Золотой Витязь», Международных литературных премий им. И.А. Гончарова (2015), им. А.И.Куприна (2016), им. Э.Хемингуэя (2017), Южно-Уральской литературной премии (2016, 2017), литературной премии им. С.Т.Аксакова (2019), литературной премии «Мыслящий тростник» (2020). Живёт в Нижнем Новгороде.

ИРКУТСКИЙ РЫНОК

*Моему Иркутску
Моему Байкалу
Ушедшим любимым
Живым друзьям*

Рынок, гордая стать,
Распрями-ка спину!
Я пришла к тебе — мать —
За куском для сына.

Дым из труб, будто чуб,
Всё по ветру носится.
Душу выдохну из губ —
Сразу заморозится!

Снег искрится мне в лицо,
Ровно сотня ножииков.
Рынка крепкое крыльцо
В каком веке рожено?

Я по рынку пройдуь,
Разольюсь, как вино.
Ни в кого не влюблюсь —
Сердце сожжено давно!

Снег упорный такой —
Насмерть хочет ослепить!
Я стою, гляжу с тоской:
Что мне на обед купить?

Всё на славу, всё путём!
Небосвод высокий.
Я пришла к тебе дитём —
Оботри мне щёки...

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

Ты, глазурь-печатка,
пламенем — во мрак!
Я — живой заплаткой:
Время — главный враг.
Тело белое глядится кочергой,
Прошлым бешенством-безумьем —
ни ногой
В эту семечек — в метели —
шелуху,
В те сугробы, что ложатся
под соху,
Под железного мороза
дикий плуг —
Где там жар голиц округ
нежнейших рук!.. —
В те частушки, что на площади
алкаш
Голосит, подачкой солнцу,
баш на баш,
В ту сибиринку, татарский
глаз разрез
На собачью стаю, в тот
мохнатый лес,
Лай кликуший, душу вывернет
носком
Крупновязаным!.. разлука —
в горле ком...
Там Байкал слезою синею течёт!
Там стою я, дни-огни наперечёт,
На берегу, близ изумрудной
Ангары —
В небе-море самолётные костры!
И на рынок там ворвусь
из-за угла —
Зимний гусь, боец, ну что,
твоя взяла!

Выжгло Время мне земную
благодать.
Между всеми — хоть на рынке
порыдать!
Снежный рынок, посреди
тебя стою —
Ты мой храм, паникадиллом
жизнь мою
Подпали! Кадиллом перечным
зажги!
Задеру башку — а не видать
ни зги:
Синь великая польётся
мне в глаза,
Неболика, немая бирюза,
Вот, Байкал, едва уйму
чудную дрожь —
Всем посконным небом надо
мною плывёшь!
Ты мой купол!
Я — лишь роспись на тебе:
По солёной штукатурке,
по судьбе!
Я — казармы, я — слезами,
водопад
Криков, шёпотов, прощания
солдат,
Позолота я, и звёзды без числа,
Окна — сотами, медовой
сытью — мгла,
Это пристань, и змеиная волна,
Ну же, выстынь в ледяном
зеркале без дна,
Перламутром, перлом,
помнящим Раскол,
Протопоп да чада — вон,
по льду побрёл...
Ах ты, Время!
В модных латах... всё звенишь!
Я — зерно, а ты — прожорливая
мышь...
Я — куржак, налипла слоём
на стрехе,
Волчьим воем глухо каюсь
во грехе...

Ох, мой рынок! Ангара-моя-вода!
Окунусь — и не восстану никогда
Из смарагдом зеленеющего сна:
Я твоя стремнина, мощная волна!
Как одну толкнул вперед тебя
Отец?!
Как в тайге уснул стрелецкий
голубец...
Голомянки, сиги, омули, ельцы,
Лучезарные ленки —
во все концы
Толщи чистой, яркоглазой,
ледяной —
Догонять меня: ах, станет что
со мной...
Погоди, моя девчонка! Погоди!..
Зарядят в ночи старухины дожди,
То ли вдовий, то ль монаший
взденешь плат —
А тобой в дегтярной тьме
огни глядят...

Ох, мой рынок!
Ну, давай, в огнях торгуй!
В небеса швыряй замёрзлых
сливок буй!
Мой буй-тур, алмазный княжич,
снеговой —
Синь-вина плесни в ладони мне,
налей!
Горсть подставлю,
кожу горечью сожгу,
Жадно выпью, захмелею на бегу,
Только выстонать всю правду —
вышел срок! —
Только выбросить дарённый
перстенёк
Во сугробы, только выстыть
на ветру,
Только выкрикнуть: не смейся!
не умру! —

Над заваленным орехами лотком,
Над завязанным отчаянно
мешком —
Нежный омуль там да вяленый
чебак,
Мне, безумке, ты, рыбак, отдай
за так!
Я — все эти оснежённые лотки!
Я — собакам кость из пламенной
руки!
Я — лимоны, мёд, вся золотая
снедь,
Я сверкаю, не даю вам помереть,
Я кормлю собой собак, зверей,
людей
На изломе, на отлёте площадей,
Вот уже я пицца ваша, град
и весь,
И себя насущным хлебом дам
вам днесь!

Рынок! Рынок!
Тыквы, чир, окорока!
И черника, и брусника —
на века!
Черемшовый — из бочонка —
терпкий дух...
Бормотанье, как вязанье,
двух старух...
А девчонка пляшет, ягодку жуя...
Не гляди, ведь страшно...
вылитая я...
Ярко-красно с досок ягоды текут
В белизну... да поживи ты пять
минут...
Погляди на кистепёрые платки,
На меха на кочерге святой руки,
На соболий сверк синеющих
снегов —
Я, родные, вот я ваша вся
любовь!

Вот такую вы запомните меня:
Здесь — на рынке зимнем —
языком огня —
Над сияньем репы, клюквы
и капуст —
Над дрожаньем в заревой
улыбке уст —
Время, дай обнять!..
Целуй, метельный враг!..
...я — глазурь-печатка —
пламенем — во мрак.

(инвалидка с рюкзаком)

Ой ты, баба без ноги,
Инвалидушка!
Не шлёт писем из тайги
Сын Никитушка.

Ой, давным-давно пришла
Похороночка,
И без мужа родила
Ты ребёночка...

Боль в отрезанной ноге —
Как железный прут.
А напротив-то, в ларьке,
«Солнцедар» дают...

А морозы всё лютей
В кости вкручиваются...
«Помолось-ка за детей —
Пусть не мучаются!..»

ЯНВАРСКИЕ РУНЫ

я наступаю на снег тяжёлой
стопой
а может легчайшей невесомой
как снег
вижу спиною лопатками:
над головой
солнце замедлило дикий
таёжный бег

рынок — огромный зал а люстра
зенит
светом клеймит поджигает
беззубо смеясь
дед над корзиной чебаком
сушёным звенит
валятся серьги золотой облепили
в грязь
я так иду краше павы купчихи
важней
кто-то мне в спину швыряет
крика снежок
баба разложит на синем снегу
омулей
ягоду алую сгребёт в кровавый
стожок
не прикасайся ко мне пока
нежно иду
в воздухе снежном ко смерти
весёлой плыву
я целовалась когда-то ах
на ходу на холоду
переходила вброд позёмковую
траву
как любили и как предавали меня
как подавали меня монетою
в горсть
как посылали руганью злей огня
то ли хозяин а то ли под водку
гость

Рынок сибирский и вольно
птицы летят
вдаль по-над торжищем
сколь я стою теперь
кто бы сказал кто бы нить
отмотал назад
сеть рыбацкую кинул в чёрную
дверь
сколько солнца и сколько
торговок вопят
так зазывают — душа —
наизнанку чулок
не рассказать никому деисусный
мой ряд
не объяснить уж лучше рот
на замок

не вспомнят а может пора
вспоминать
не помянуть а может рюмку
поднять
молча горько торжественно
исполать
выпить за радость за дней
убитую рать
я иду мимо алмазов на нищих
лотках
я иду мимо лабазов мимо иных
времен
время застылые сливки круги
молока
милой Сибири луны руны племён
лица рынка в меня вихрево летят
крынка валится бьётся
осколки льда
я — лишь костёр
углей пророческий ряд
чин праотческих войн слепая
слюда
всех бы обнять да времени мало
в обрез
всех бы прижать к сердчишку
заячьему
я старуха метельнее всех невест
в кедровой фате ухожу из света
во тьму
нет Адов аспид на кой ты мне
сдался мрак
вон до небес апсиды и ниши
слепят
звёздный салют вой нежных
слепых волчат
вечная боль
раз иначе нельзя никак
не прикасайся ко мне я уже
стала огнём
это святой мой облепиховый
заиндевелый астрал
видишь на рынке-цирке светло
как днём
а это ночь — плавником —
ельцовый коралл

мглою — багульник
лицо заливают огни
слёзно сиянье время гуди трубой
дай мне оплакать еловые ночи
и дни
дай порыдать над колючим
хвойным тобой
шаг замедляю куда я теперь
смотрю
солнце в лицо мороз о где
я теперь стою
солнцем плачу
луной целую зарю
временем гасну у рынка
на соболином краю

(скрипач бежит, весь замёрз)

Вон в треухе скрипач —
Скачет, как ужалили.
Ну, на скрипочке поплачь —
Небо как в Италии!
Стало песней давно
Твоё поколение.
Сквозь метельное рядом
Небо — как в Туркмении!
Валидол ледяной.
Спать идёшь на цыпочках
Не с зазновой, не с женой —
С сиротливой скрипочкой...
Что ты нос воротишь —
Цены, что ли, жалятся?
Здесь тебе не Париж —
Некому здесь жалиться!..

НИКТО И НИКОГДА

ах ну вот ты красотка лицом
да к лицу
рожа в рожу гляди луноликая
Смерть
ты на рынке меня наряжала
к венцу
ты сажала меня во медвежию
клеть

ты вопила:
живая ну сгинь-пропади
копья музыки гиблой швыряла
мне в грудь
я руками раздвинув снега
и дожди
сквозь тебя пролагала пуржистый
мой путь
ну тарасься мордаху свою
приближай
щёки в белой муке красный жир
на губах
ты так рядом стояла
твой крик: помирай!
что ж не падаешь! —
снегом застыл в волосах
ты хрипела: скорей ты иссохни
змея
до надсада: давай отдавай же
концы
я тебя изничтожу ты будешь моя
как все толпы народы купцы
подлецы
а весь рынок глядит
а весь рынок визжит
наблюдает меня и её: кто кого
точат в рыбном ряду заревые
ножи
а в платьёвом — трясут выхваяя
шитво
ах ты Смертушка сколь я видала
тебя
сколь увижу ещё где же ярость
и страх
ты жалейка моя ты калека-судьба
я ребёнком держала тебя
на руках
помирала я в родах
тонула в морях
и на рельсах валялась а поезд —
в накат
о таком не засохнуть
в крови-письменах

о таком и в последней молитве
молчат
заслоняет лицо твоё ржавой
луной —
крутлы санки-ледянки —
мои небеса
снега визг под ногой
под повозкой стальной
крик истошный: осталось всего
полчаса!
наплевать! словно глаз приоткрыт
красный рот
я гляжу в него зубы блестят как
белки
ты шарахнешься Смерть
и пройду я вперёд
ощутив тебя на расстоянье руки
я пройду напролёт
сквозь тебя я пройду
я авоську лимонов и мёда куплю
обернусь засмеюсь на крутом
холоду
я тебя ненавижу Смертяка люблю
я смертельно люблю твой
незнамый приход
я зрачками ловлю голубиный
твой лёт
рынок видишь:
две бабы и зеркалом — лёд
рынок слышишь:
никто никогда не умрёт

ЛОДКА

Я лодкой смолёной переплыла
Селенгу ли ах Ангару
Мерцала бутыль на краю стола
Металась простынь в жару
Убийцу голубила
С ведьмой пила
Молила зверям — костей
Баранья доха мне была мала
И мал пирог для гостей

А как я стариться зачала
Пьянчужка-плотник забрёл
И лодку сладил и два весла
Из духа что бос и гол
Из жёстких плеч из дощатых ног
Плачь горностаёй колонок
И стала я лодкой и бедный Бог
Рыбалил во мне одинок
Я только лодка под звёздами я
Венера Вега Денеб
Волна — не вода а ветхость белья
Ветхозаветный снег
Шаман танцует и в бубен бьёт
Каменным кулаком
Я только лодка взрезаю лёд
И в крохи крошу бортом
Топаз Мицара Алькора жость
Сириус — в борозде
Я лодка я у реки ещё есть
Пустая а люди где
Садись народ не пускай слезу
Молись замерзнём пускай
Терпи народ я перевезу
Тебя за полярный край
За тракт безлюдный где плачет

волк

Моими слезами друг
Где ляжет мир мой боярский
шёлк

В окрестье тяжёлых рук
И кинут весла
Таймень на дне
Застыл то ли жив то ль нет
Мороз я лодка забудь обо мне
Я просто дощатый свет
Я просто везучий шальный ковчег
Везу вас во времена
Где валит серебряный Божий
снег

Где вмёрзну я в лёд
Одна

(мать с ребёночком)

Бабье тесто всходит тяжко —
Опадает в миг один.
Не изношена рубашка
Со годин моих родин!

Несу ты на локоточке,
Доченька роженная.
Ох, опять бессонна ночка,
Глоточка лужёная!..

Ты прижмись ко мне тесней
Пальтецом немарким.
Вот пройдёт немного дней —
Глянешь краше мамки.

Вот куплю тебе игрушку
За копейку да за двушку,
А внутри гром и хруст —
Аж гремит на весь Иркутск!

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ

голые люди дрожат умирают
от счастья лепечут
псалом что не услышит никто
никогда

голые люди горят голые свечи
рушатся как под бомбёжкой
города
голый твой поцелуй руки закинь
за шею ему
солнцем смеётся рот вот лодка
ночная а вот весло
ведь всё равно стаснет голый свет
все уйдут во тьму
а вы взлететь в небеса успеите
крыло и крыло

голые люди уже летят и земля
  под ними
тоже летит принакрыта
  скомканной белой парчой
голые люди впотьмах повторяют
  имя и имя
видят над койкой старого
  зеркала срез косой
тихо косятся туда ищут своё
  отраженье
красный костёр а вокруг синий
  бессмертный лёд
тихо шепчут голые губы
  не делай движений
помни никто никогда не умрёт

жарко как в преисподней
  а может в Эдеме
крепче стиснет плоть
  на прощанье душа
голые люди над миром летят
  надо всеми
кто им нищим подаст хоть бы
  тень гроша
кто над ними голыми ржёт
  во всю глотку
над беззащитными — творит
  беспощадный глум
кто на них снизу глядит как
  на днище лодки
сквозь посмертную толщу
через родильный шум

жарко почувствуй водой землёй
  облаками как жарко
жадно его нагого нагая сильней
  сожми
жалко до горя стыдно до боли
  жалко
через зверьи века оставаться
  людьми

голыми пламенами на железной
  кровати
голой памятью-позолотой плита
  гранитно чиста
голые люди всё длят и длят
  объятье
голый Господь слёзно глядит
  на них со Креста

НОЧЬ МОЯ

Ах, рынок мой, звёзды крупные...
Ночной, и брожу меж ларей я...
Меж ящиками и ступами...
здесь лошадь стояла каряя...
К телеге старой привязана,
сама шаталась от старости...
Ах, рынок, алмазами-стразами
пронзаешь мои усталости...
Вот время моё могучее,
слепащее, красноезвёздное —
Лежит на прилавке тучею,
дрожит — рыданье бесслёзное...
Лежит на прилавке омулем
мертвяцким... о, рыба снулая...
Лежит вверх еловым комлем...
увялая ночь, минувшая...
Дары земли прибайкальския!..
дары земли забайкальския...
Кругами — сливки слюдянские...
гранаты вон чужедальские...
Так вижу всё ясно, пламенно —
сама уж почти гранитная...
Ах, рёбра мои твердокаменные...
а кровь — хлобыщует, открытая...
В словах этих, ах, словечушках,
им жизнь посвятила отважную —
Не подлую, о, не злобную,
не хитрую, не продажную...

А там — в небеси — гудящая
симфония самолётная...
А время летит, настоящее,
бесценное и бесплотное...
А голову задираю я:
прощай, дорога неблизкая!..
Бреду по ночному Раю я —
возлюбленному, сибирскому...
Мы пели и воевали мы.
Клялися вождём и знаменем.
За сгибших — все доживали мы!
За мёртвых — горели пламенем!
На грудь нам и звёзды вешали!
Медали — наградой честною!
Герои глядели весело —
шалые и неизвестные...
Не мнили о знаменитости.
Не ведали о бессмертии.
Не клянчили царской милости.
Не слали яды в конверте.
Когда голодали — смеялись:
жить будем завтра, как соколы,
Привольно, гордо и счастливо:
под Красной Звездой высокою!..
И что?.. Ах, ответь мне, рынок
мой, Иркутское моё Торжище,
Куда всё исчезло, схлынуло...
куда убежало толпами...
Все дети уж седовласые.
Друзья все — в тумане, заберегом
Парят, босые, несчастные,
все — Ангелы в звёздной замети...
А я?.. Всё иду, ступаю всё
по снегу жёсткому в катанках:
Следы любви и памяти!..
следы, на судьбе распятые...
Вот здесь покупала хайрюза...
пирог на свадьбу с рыбою...
А здесь черемша, что бирюза,
навалена мёрзлой глыбою...
А здесь... а вот тут... Забвение!

Забуть — благодать великая.
Чтоб кончилось слёз струение.
А боль истаяла ликами —
Златыми, родными, ясными,
в январский мрак уходящими,
И страшными, и прекрасными,
живыми и настоящими,
В ночи меня обступающими
подлунными хороводами,
Грехи все мои прощающими,
а смерть повернувши родами,
И чтобы руки раскинула,
и всех обняла во времени,
В ночи этой, ах, за могилою,
за светом чуть выше темени...

МЕЖДУ МИРОМ И МИРОМ

Ожидание жизни — не есть
жизнь.
Жизнь — ведь это когда совсем
не ждёшь,
А случается. Если порвёшь,
а сшить
Не получится.
Только бесснежьем — дрожь.
Я иду вдоль рынка.
Ах, мне бы тут
Постоять... поторговать...
покричать,
Посудачить... узреть, за сколько
минут
Колотун поставит на сердце
печать.
Я не шла, а царапалась, билась,
ползла,
Больно падала, ломких колен
костыли,
Деревяшки локтей, на краю
стола —
Эта миска железная, соль земли.

Курит вон солдат безрукий.
И трясётся эшелон!
...перегоны, перестуки.
Плач и хохот, тихий звон.

О, мы верили так свято:
мир навеки, да, навек!
Вот — за всё пришла расплата.
Кровь струится из-под век.

Так течёт святое миро.
По скуле да по губам.
Этого Святого Мира —
я за царство не отдам!

Так мы жизни отдавали,
люди добрые, за жизнь.
Так орудья обнимали —
ну, проклятый враг, держись!

Мы — держались...
мы — сражались...
жили век и жили час...
Мы в небытие срывались —
хоронили мёртвых нас.

А теперь об этом — песню!
Пусть забудут все слова!
В этой музыке — воскреснем!
Эта музыка — жива!

Это крик и хрип завода.
Это вопли всех атак.
Это плач и стон народа, яркий
смех наш, алый флаг!

Из времён над ним — глумитесь!
Издавайтесь — издаля!
...заплетает травы-нити
измождённая земля.

Заплетает снега косы.
Прижимает лёд к устам.
Заплетает в нитку слёзы —
то силки на саван нам.

В эту песню, в той теплушке,
заплетает голоса —
А не хочешь, и не слушай,
черно-бурая лиса!

Мы не звери. Мы лишь люди.
Возвращаемся с войны.
Мы во вьюге да в остуде
будем видеть злые сны.

Будем видеть гибель наших
красных звёзд... в бою — друзей...
Воздыми повыше чашу!
Брат, полней стакан налей!

Выпьем, брат, и всех помянем —
всех живых, кто пал в бою —
На юру и на шихане,
на обрыве, на краю,

Утонул в чужом болоте,
сгас от голода в лесах,
Кто в таране сгиб, в полёте,
в передсмертных небесах!

Запевай ты, мой родимый!
Запевай, отец и дед!
Мой святой народ, любимый!
Запевай, ведь смерти нет!

Для тебя ведь нету смерти —
потому ты победил!
...заплетает круговертью ветер —
горлицей могил.

Только мимо, мимо, мимо
    пролетает эшелон —
Мимо плачущих любимых,
    мимо храма, что спалён,

Мимо бедных и богатых,
    мимо правды, мимо лжи —
Мимо всех, навек распятых, —
    детям боль их расскажи!

Да не видят... да не слышат...
    мимо, мимо мчит вагон...
Пьют солдаты, жадно дышат,
    озирают небосклон

И не знают, что там будет
    в череде иных веков:
Всё такие ж войны, люди,
    час прошёл — и был таков,

Только знают: вот — Победа!
    Вот — врага согнули мы!
...выпьем, брат. Идёт по следу
    ветер — знаменем зимы.

Я незримая. Не видишь,
    брат, прозрачную меня.
Плачу. Пью. Ты не обидишь
    память воли, знамя дня.

И стучат, стучат колёса,
    бесконечно пьём и пьём,
До седой травы откоса,
    до прощания вдвоём,

До сияющего Града,
    как его, Ерусалим...
До небесной той ограды,
    где крылатый тает дым.

НЕОПАЛИМАЯ

Я качусь по рынку, снег визжит
    и орёт, я безумней всех!

Запускаю руку-рыбу в корзинку,
ворую чесночный плач,

    сладкий смех,
Смахиваю на утопанный снег
    незрячий

кедровую шишку с лотка —
Круглей затылка ребячьего,
    тяжелей бандитского кулака.

Я качусь по рынку клубком,
    котёнком, а сколько мне лет,
Скалось бродячей девчонкой,
дома не было отродяся и нет,
Зубы кажу собачонкой
    приблудной,

и в бок пинают меня,
Хохочу, свищу птичкой
    неподсудной:

дочирикать бы до Судного дня!
А ну его, Судный день,
    к лешему! Время оно!

Порхать-то долго зачем!
Качусь с прилавка горьким
лимоном, золотою дулей вам всем!
Рассыплось черемшюю полынной
В виду богачей и святых,

    отрепья и подлецов,
Бросайте мне в крылатую спину
Картохи, бульжники, жестяных
    сушёных ельцов!

Швыряйте под ноги мои гранаты,
а коль повезёт, и в грудь,
Цельте базуки проклятые,
    назад мне не повернуть,
Кидайте в лицо мне Смерть!..

Ах ты, Смертушка
                    между людьми!
Выбери не её, не его, а валяй
                    нынче меня обними!
Что у тебя там — пламя,
                    подлянка, мгла, пуля, петля,
А может, волчица, войну
                    за пазухой припасла,
                    и кровью плачет земля,
А может, больно обнимешь,
                    хайрюзовой сверкнёшь блесной
И воздух легко отнимешь,
                    расколешь орех костяной?!
И бросишь в топку: я уголь!
                    Мгновенно вспыхнет закат!
А вышепчут: кто-то умер...
                    не обернутся назад...

Качусь, влекусь, спотыкаюсь,
                    тошно, в снегу ладони тяну:
Подайте, граждане торжники,
                    ягодку лишь одну!
Замёрзлую облепиху, ах,
                    лихо-лихолетье... забудь...
Смолою, орехом, жмыхом
                    на губах — ледяной твой путь.
Грызи, обливай слезами,
                    вкушай, по любви скорбя,
Гляди народа глазами
                    на самое себя!
На лица — вихрем кружатся,
                    румяный калейдоскоп!
Узоры жадные, жаркие мелькнут,
                    не упомянуть чтоб!
А мне кричат: брысь, девчонка!
Похлёбкой брызнь из судка!
Я жальче слепого котёнка,
Ничтожней слепого щенка...
И вдруг воздымусь с жёсткого
                    снега в иероглифах скорлупы.
Я больше неба, громадней века,
                    вместилище всякой судьбы.

Живей намалёванных ликов!
                    Времён великих страшней!
Лапотком перехожей калики
                    горю до скончанья дней!
Я рупор, я визг истошный —
                    услышать и не успеть.
Ору, блажу невозможно,
                    немыслимо: нет тебя, Смерть!
Нет воли тебе, Старуха!
                    Всё вкусно и вечно так...
Опричь и зренья, и слуха
                    на шее твоей стисну кулак!
Стою средь рыка и рынка,
                    пылаю грозно, одна,
Нешвенный хитон, разбитая
                    крынка, Неопалимая Купина,
А глотка моя свободна
                    для вопля среди людей,
А сердце моё голодное —
                    бери, народ, и владей,
Хватай, вырывай из рёбер
                    и крепко к лицу прижимай,
Народ мой, да ты же добрый,
                    где ж ненависти пёсий лай,
Народ мой, военный столпник,
                    молельщик, терпельщик ты,
Твои я — во граде стольном —
                    Кремли, казармы, кресты!
Твоя — в веночках бумажных —
                    на сельских погостах — боль!
Твоя санитарка отважная —
                    на рану вьюжная соль...
Я все ночные поминки,
                    расколотые образа,
Я песню пою на рынке такую,
                    что петь — нельзя!
Я вся партитура рода!
                    Хор славы на холоду!
Я знаю — в огне нету брода,
                    плевать, перейду по льду
Реку мою малахитовую,
                    зелёную Ангару!

Так — радость моя открытая!
Так — волосы на ветру!
Звучу тысячегласо в морозы,
сияю, ягода-Марс,
Я целого мира слёзы:
всё льются, льются по нас.

(парочка)

— Люблю тя уж десять дней,
Моя иркутяночка!
Слёз девичьих солоней
Килечная баночка.

Мы с тобой её откроем
Да закусим на ветру:
От него тебя укрою,
А без шубы — не помру...

— Ай ты, парень родной,
Зубочки жемчужные!..
Ты ж научился со мной —
Я ж така недужная!..

Я во пятницу болею,
В понедельник кашляю —
Я сама себя лелею,
За собой ухаживаю!..

(торговка молоком)

Молока круги застыли —
С маслом спутать запросто.
А в ошмётках снежной пыли —
Торговка глазастая:

— Эх, автобус уйдёт
Да до родного Култука!
Налетай, народ,
Чтоб не быть без молока!

Молоко жирное
Всё застыло слитками.
Время нынче мирное —
Угощайтесь сливками!

К ветру повернусь спиной
В ватнике отцовом —
Ватник пахнет махрой,
Пулею свинцовой...

А домой как приду,
Подсчитаю выручку, —
Плачу, словно в бреду:
Против сердца дырочка...

Жизнь моя, жизнь моя,
Сибирская сторонushка!
Вся осталась семья —
Рыжая коровushка...

ХОД ЗИМНИХ ЗВЁЗД

Звёзды гордо плывут.
Звёзды печью горят.
Звёзды молча кричат —
Не прожечь времена, не утонет
блесна, не вернёшься назад.
Я на рынке стою у седого лотка.
Я сегодня куплю

Всю сладчайшую жизнь, всю
солёную смерть, паруса кораблю.
Этот рынок ночной.

Что же стало со мной?
Что забыла тут ты —
Умирающий мех, исчезающий
смех, луч погибшей звезды?
Эта красная жизнь. Помидор
и гранат. Эта смерть на миру.
Звёзды кругом идут. Звёзды
цугом горят. Я теперь не умру.

Я ещё не умру. Не сегодня-сейчас.

Не в нигде-никогда.

Ещё праздник сверкает безумием
глаз, и стоят города.

Я на рынке стою, я дарю жизнь
мою, задарма вам отдам —

Это звёзды текут, вперерез
бытию, по дрожащим губам.

Сердце — зверем — в руке.

Я стою, как в тайге.

Звёзды медно звенят.

Люди, люди, простите!

Иду налегке.

Как солдат на парад.

Сколько я погибала. Сколь пуль
получала и в спину, и в грудь.

А потом — в небесах — начинала
сначала отверженный путь.

Рыба, птица и лось! Мне любить
довелось всё людье и зверье.

Виснет звёздная гроздь. Вылетает
насквозь всё дыханье моё.

Лебединый Денеб. Соболиный
Эреб. Золотой Альтаир.

Небо, лютый мороз,
чернопламенный хлеб,

свет изношен до дыр.

Рынок. Гордая ночь.

Больше плакать невмочь.

Песню вечную пой.

Моя жизнь, моя смерть, я лишь
блудная дочь под великой звездой.

ОТЧАЯННЫЙ, ДЕРЗКИЙ МИР В КНИГЕ ЕЛЕНЫ КРЮКОВОЙ «ИРКУТСКИЙ РЫНОК»

Книга Елены Крюковой «Иркутский рынок» издана в Екатеринбурге в 2020 году. Она составлена из весьма оригинальных поэтических произведений, в которых поэтесса представляет ярко, образно своё сегодняшнее видение мира «здесь и сейчас». В книге в большую композицию собраны стихотворения, частушки, песни, поэмы, поэтические фрески.

Рынок в многоплановой книге — это не только место, где горожане могут купить товары на любой вкус, но и более масштабная реальность: огромный сибирский город с торжествующим разнообразием современной жизни. Книга открывается стихотворением «Иркутский рынок», в котором писательница высказывает жизненную позицию: она призывает жителей Иркутска гордо выпрямить спины, увидеть вечное в движениях человеческих душ, помнить российскую историю, возлюбить не только людей, но и суровые северные стихии.

*Дым из труб, будто чуб,
Всё по ветру носится.
Душу выдохну из губ —
Сразу заморозится!*

Баллада «Зимнее солнце» представляет читателям опасные северные стихии более подробно. Здесь мы видим и зимние метели, и железный мороз, и своеволие народа на площади как стихию, и собачью стаю — звонкоголосый мохнатый лес. Изумрудная Ангара перед поэтом сияет днями-огнями, Байкал течёт синевой слезой, плывёт небом, Время выжигает благодать, и всё в целом образует вокруг Елены такой стремительный хоровод, который невозможно забыть. Автор-волна несёт в мир звёзды без числа, прощания солдат, воспоминания о Расколе, Время в латах, своё раскаяние в совершённых грехах. В финале баллады автор видит себя в пляшущей девчонке, что обещает новый всплеск творческого вдохновения, хотя и прежние силы далеко не иссякли.

*А девчонка пляшет, ягодку жуя...
Не гляди, ведь страшно... вылитая я...
Ярко-красно с досок ягоды текут
В белизну... да поживи ты пять минут...*

*Погляди на кистепёрые платки,
На меха на кочерге святой руки,
На соболий сверк синеющих снегов —
Я, родные, вот я ваша вся любовь!*

Поэтесса не скрывает, что желает поразить читателей новыми неожиданными образами. Елена Крюкова старается соотносить свои чувства с ночными видениями из сказок и небанальной реальности.

*баба разложит на синем снегу омулей
ягоду алую сгребёт в кровавый стожок
не прикасайся ко мне пока нежно иду
в воздухе снежном ко смерти весёлой плыву...*

Стихотворение, посвящённое скрипачу, называется «Скрипач бежит, весь замёрз». Метель, мороз, ледяной валидол... Вместо жены у музыканта только скрипочка. Он продрог, спешит в тепло дома, но кто его там ждёт? Автор даёт возможность читателям фантазировать.

*Что ты нос воротíшь —
Цены, что ли, жалятся?
Здесь тебе не Париж —
Некому здесь жалиться!..*

В стихотворении «Никто и никогда» поэтесса смело ведёт разговор со смертью.

Смерть здесь лунолика; она красотка. Стихия смерти активна, сама может наряжать женщину к венцу, сажать человека в медвежью клеть, ранить даже тем, чем ранить почти невозможно, — музыкой. Поэтесса идёт сквозь пургу, которая символизирует смерть, но этот путь не скорбный, он отчаянный и дерзкий.

*а весь рынок глядит
а весь рынок визжит
наблюдает меня и её: кто кого
точат в рыбном ряду заревые ножи
а в платьёвом — трясут выхваляя шитво
ах ты Смертушка сколь я видала тебя
сколь увижу ещё где же ярость и страх...*

Поэтическая фреска «Одинокая царица» о философском осмыслении жизни начинается, как эпическое произведение.

*это просто Сибирь она царская мне земля
этот княжий рынок задиристый хвост павлиний...*

Природа Сибири увидена автором царскими хоромами, по которым можно идти так долго, что на этом пути встретятся даже зелёная Ангара, дары Байкала, вокзал со старухами в волчьих шубах, народ как неделимая общность людей, тысячи рынков, вся родная земля, космос... и более прозаические вещи, которые тоже нужны человеку: облепиха, грибы, щи, каша... Поэтесса предстаёт здесь в виде ситного хлеба, разломленного на куски и символизирующего вечность высокого искусства.

Поэма «Обнимаю» посвящена тёплым чувствам, отношениям влюблённых людей. Неважно, что смогут увидеть влюблённые на своём столе, какую еду, если главное в их жизни — взаимная любовь. Мужчина и женщина смотрят друг на друга, они дома. Мимо окна пролетают птичьи ангелы, исчезают, но в доме влюблённой пары остаётся святая икона, перед которой делятся объятиями, забываются плач, соседи и быт. Вместо них появляются Ад и Рай, Жизнь и Поцелуй.

*и теперь гвозди так забивает
в домовину страшной огня
я кричу себе: я-то живая!
и не верю здесь нет меня
а я там в сибирской халупе
на столе огарок свечи
и на губы мои твои губы
налегают: молчи молчи*

Песня «Мать с ребёночком» может быть легко положена на музыку, что, вероятно, и произойдёт. Четыре катрена о женской доле, о любимой доченьке и о желании побаловать ребёнка.

*Ты прижмись ко мне тесней
Пальтецом немарким.
Вот пройдёт немного дней —
Глянешь краше мамки!..*

Современная баллада «Шаманка» насыщена новыми поэтическими образами и неожиданными интонациями. Сибирь предстаёт здесь во всей своей искрящейся красе.

*Моя Сибирь! Лукавица моя,
Куница, зимний сверк искристой холки!
Швея... на жадной кромке бытия —
Шьёшь лоскуты земли ангарскою иголкой...*

Обращение писательницы к Сибири наполнено сильнейшим чувством причастности к жизни Байкала, к жизни деревень, заснеженных лесов, царственной зимы, к жизни созвездий, к истории края. Шаманка — это сама Сибирь, медведица, зверица со своим особенным языком, который открывается не каждому.

Стихотворение «Возлюбленные» — рассуждения Елены Крюковой о ночи любви. Практически любовь здесь — торжественное действо, полёт над землёй, над белой парчой. Слова, которые сопровождают любовь, важнее важного — это любимые имена, повторяемые вновь и вновь.

*голыми пламенами на железной кровати
голой памятью-позолотой плита гранитно чиста
голые люди всё длят и длят объятье
голый Господь слёзно глядит на них с Креста*

Частушки «Пилот покупает ягоды» обязательно понравятся всем без исключения читателям. Сценка на рынке полна очаровательных подробностей. Кажется, что игривый (и внезапно — драматический!) тон поэтессы согревает в зимний мороз героев частушек до того, что их встреча может длиться бесконечно.

*Крепко зубы я сцепил,
Делал, как учили...
Вот тогда и полюбил —
Ток по мне включили!..*

*Всех любил я людей —
Скопом, не по чину —
Всё лотей и лотей,
Пока сажал машину...*

Поэтические образы следующих стихотворений книги — это путь лирического героя по шумному народному рынку, полный живых трагических историй эшелон с солдатами, внучка декабристки в первую мировую войну (а за ней из времени катит и вторая), — судьба женщины, которая должна осмыслить смерть царя, уход близких, плен мужа — красного офицера, ссылку деда...

*Ты в первую мировую —
Медсестрой под выстрелы.
Во вторую мировую —
Лук в столовых чистила...*

Поэтическая картина «Ночная музыка» написана фантастическими красками, которые не встретишь в реальности. Здесь мы видим чёрный снег, красный снег, осыпь стран, взрывы городов, человека-причастие, любовь-предмет (её, как голограмму прошлого, можно рассмотреть со всех сторон, только уже нельзя прижать к груди), алмазный перрон, страшные звёзды, бег по земле миллионов людей.

*Под сенью ангельских крыл полуночных
В безмолвие — топ да топ,
Пока голубице-себе, непорочной,
не крикнешь: ну хватит, стоп!*

Поэма «Хождение по водам» посвящена библейскому сюжету, одному из чудес Христа, которое описано в трёх Евангелиях. Елена Крюкова видит Христа на Байкале зимой. Берег изумрудного Байкала представляется Христу крутым, но единственно желанным. Чудо хождения по воде оказывается замеченным людьми, вызывает всеобщий восторг, оно совершается во славу бессмертной души человека.

*Так на вселенском холоду, в виду угрюмых скал,
Я твёрдо верил, что пройду, и шёл, и ликовал!*

И кедр, как бы митрополит сверкающий, гудел!..

*И рёк Андрей: — Спаситель спит.
О, тише, тише... Пусть постит...
Он сделал, что хотел.*

В стихотворении «Любимый» Елена Крюкова философски осмысливает отношения с любимым человеком, которые полны противоречий, но при этом остаются отношениями двух преданных людей.

*А потом тебя под локоть брала,
Ты ведь был такой мой!
И такая — твоя! Жги, таймень-осетры!
Рви носами водоросли сетей!
Позабытого Рождества заревую парчу,
Что хрустит
Под ногой!..*

Повествуя, поэтесса превращается в пихты, кедры, ели, страстно желает быть услышанной людьми, быть понятой. Жар полночных писем исходит из самого сердца. Поэма «Багульник» — о мироощущении, которое крепко связано с природой родного края.

*Орион, ты взойди над тайгой...
Волю дам бестолковым слезам...
Меч на поясе — жизнью другою
так сверкает, что больно глазам...*

Стихотворение «Лития» повторяет молитву о самом дорогом. Для поэтессы это построенная судьба, поиски истины, свобода в самовыражении, личные устремления, бодрость духа.

*Ты шёл по земле, вынимая
Сверканья её камней.
Искать на пороге Рая.
Искать до скончанья дней.
Меня поймал над обрывом.
И обнял, и приподнял
Над мощной кедровой гривой,
Тюрьмой человеческих скал...*

Поэма «Иркутский вокзал. Перекати-поле» рассказывает прежде всего о людях, которых писательница встретила в пространстве вокзала перед дальней дорогой. Это женщины и мужчины, молодые люди, внутренне готовые уехать далеко, «в слепую синь стрелой вонзиться!»

Буряты, цыгане изображены в поэме опытными путешественниками. Им легко на вокзале отдыхать, есть, ругаться, люди привыкли к переселению. Обстановка вокзальной суеты народу привычна. Старики и старухи больше вздыхают, для них прошедшее сравнимо с раной на груди. Старики во сне продолжают бороться с врагами, мчатся на конях с криками «Победа!»

Настроения молодёжи показаны другими красками. Девушка на вокзале «щебечет про любовь», мальчишка удивляет поэтессу своими руками.

*Мальчишка в вытертой дублёнке
И с грубыми руками Бога.
И чистые глаза ребёнка,
Чья мать — январская дорога.*

*И я иду к нему, толкая
Мешки, баулы, локти, плечи,
И я красивая такая,
И пальцы подняты, как свечи!..*

Людей на вокзале так много, что в них видится всё человечество. Людское перекаати-поле автору нравится, она всматривается в лица, вслушивается в голоса проезжающих, замечает, как люди рассаживаются по вагонам, а на их месте кружит снег, как символ рождений и потерь дороги длиною в жизнь.

У современного читателя есть счастливая возможность узнать глубокие мысли Елены Крюковой о мире, читая книгу «Иркутский рынок», и запомнить откровения писательницы на долгие годы.

Ольга ТАИР